

Т Е А Т Р

Время новостей —
Пустота, 2000. —как и было сказано
9 нояб. - с. 7.

«Чапаев и Пустота» на театральной сцене

С некоторых пор театральные события принято делить на просто спектакли и мероприятия (они же проекты). В первом случае происходящее на сцене важно само по себе, во втором — важно то, что происходит вокруг. Сценическая версия «Чапаева и Пустоты» — по всем признакам мероприятие. Культовое произведение Виктора Пелевина сыграли 7 ноября в Театре клоунады (то есть нашли место и время). Его активно анонсировали в прессе и на телевидении. На него продавали билеты, цена которых в первые ряды партера достигала двухсот долларов (и то сказать, звезды заняты — Сергей Никоненко, Евгений Сидихин, Мария Миронова). Ему предпослали концерт группы «Ва-банк», записавшей в свое время CD по мотивам произведений Пелевина, и незамысловатый, в духе таганковских «10 дней, которые потрясли мир», хеппинг — тут матросик поет, тут красноармейцы бродят, тут Чапаев на тачанке подъезжает.

Результат не замедлил сказаться. Среди премьерной публики трудно было обнаружить завязтых театралов, зато в изобилии присутствовали завсегдатаи клубов, любители отечественного рока и преданные почитатели Пелевина. Всем им пришлось долго толкаться в прокуренном фойе, пить в антисанитарных условиях выпущенную специально к премьере дорогую водку «Чапаев и Пустота» и изображать из себя участников означенного хеппинга. Двести долларов за такое удовольствие — сущий пустяк. А ведь за эти деньги можно было еще и посмотреть спектакль как таковой.

Он, вопреки ожиданиям, оказался зрелищем совершенно диетическим. Никаких концептуальных изысков и специальных постановочных эффектов. На сцене стоят декорации (помост с то поднимающейся, то опускающейся

кроватью и огромная сеть в качестве задника), в кульминационные моменты играет громкая музыка, артисты говорят громко и выразительно, иногда прибегая к жесту-куляши. Другими словами, постановка Павла Урсула — это вполне традиционное и весьма подробное изложением пелевинского произведения, не могущее порадовать ни приверженцев радикального искусства, ни любителей постмодернистской самодеятельности. Но особенно злую шутку оно сыграло с самим романом.

Человек, взявший в руки книгу, чувствует себя хозяином положения. Он может перелистывать страницы, пробегать скучные места по диагонали, в какой-то момент вовсе ее отбросить. Зритель такой возможности лишен. Он вынужден слушать диалоги от начала до конца, отчего беспомощность и претенциозность культового текста становятся особенно очевидными. Написано у Пелевина, что все женщины — суки, потому что они суккубы, и ладно. Но когда из этой сентенции пытаются, выражаясь эстрадным языком, сделать смехоточку или когда Чапаев превращает слово «монада» в матерную анаграмму, становится неловко.

Неудивительно, что публика, знакомая с театральной культурой куда хуже, чем с культурой потребления наркотиков, большую часть времени скучает, живо реагируя лишь на то, как Володин (Гоша Куценко) нюхает кокаин через дуло пистолета. Редкие ценители театрального искусства скучают всю дорогу. И тех и других не оставляет ощущение бессмысленности происходящего. Абсолютной, так сказать, пустоты. Впрочем, если учесть, что в дзен-буддизме это высшая религиозная ценность, певец восточной мудрости Виктор Пелевин должен считать мероприятие исключительно успешным.

Марина ДАВЫДОВА